* * *

Пока Цзян Жуань была рядом с Вдовствующей Императрицей, Лу Чжу однажды услышала, как молодые дворцовые евнухи говорили об этом, и, наведя некоторые справки, она даже не сделала глоток чая, прежде чем вернуться, чтобы сообщить Цзян Жуань об этой новости. Лу Чжу, естественно, почувствовала себя умиротворённой. Они, эти её личные служанки, все почувствовали прилив благодарности к тем, то выступил против несправедливости по отношению к их госпоже.

Цзян Жуань немного поразмыслила, хотя Вдовствующая Императрица И Дэ иногда помогала ей от своего имени, она не стала бы использовать такие средства, которые были ниже её статуса. Если присмотреться повнимательнее, то это было больше в стиле Генеральского фу. Однако, чтобы на его лице были следы женских ногтей? Цзян Жуань покачала головой, и в её сознании появилось чьё-то лицо.

Если бы это было делом рук Сяо Шао, это имело бы смысл. Гвардия Цзинь И всегда поступала так, как им заблагорассудится, и иногда они не обращали внимания и не заботились о том, какие средства они использовали. Более того, этот метод возвращения око за око действительно выглядел так, как будто их намерение состояло в том, чтобы отомстить Цзян Цюань от её имени.

* * *

В Цзинь Ин Ван фу Цзинь И доложил Сяо Шао о деле Цзян Цюаня. Сяо Шао в настоящее время сидел за своим рабочим столом и читал послание, которое было отправлено как можно быстрее из Южного Синьцзяна. Даже не поднимая головы, Сяо Шао слабо ответил:

– Это было выполнено хорошо, иди и предоставь им надлежащую награду.

– Господин, не следует ли нам послать весточку Цзюньчжу, чтобы сообщить ей об этом, иначе Цзюньчжу не узнает, что это Ваших рук дело, – Цзинь И указал на это своему господину, потому что это был путь, по которому его господин шёл, чтобы преследовать свою будущую жену, – как они могли позволить кому-то другому несправедливо пожинать плоды и приписывать заслуги за усилия их господина? Хотя стражи Цзинь И никогда не заботились о том, чтобы получить признание за свои достижения, этот поступок был сделан для того, чтобы получить сердце красавицы. Поэтому, естественно, они сделают всё возможное, чтобы вежливо выразить свою добрую волю.

– В этом нет необходимости, – взгляд Сяо Шао оставался прикованным к письму, так как он сделал это только для того, чтобы преподать Цзян Цюаню урок. Что касается того, как дальше обращаться с Цзян Цюанем, то это оставалось за самой Цзян Жуань, чтобы определить, как она, наконец, поступит с ним. Для него это было подобно лишь лёгкому мановению руки, и, кроме того, у Сяо Шао не было намерений сообщать Цзян Жуань о том, что он сделал. Как бы то ни было, было очень вероятно, что Цзян Жуань вполне могла уже сама разобраться в этом вопросе.

* * *

Во дворце Сы Мэн Гуй Фэй Чэнь пила вино.

Виноградное вино, доставленное морем из Персии в качестве дани Императору, наполнило сверкающую и полупрозрачную чашу из белого нефрита и испустило красивое пурпурное свечение, как будто это был прекрасный фиолетовый драгоценный камень.

Пьяные глаза Гуй Фэй Чэнь были слегка прищурены, как будто женщина уже немного устала. Её тело, казалось, становилось всё более мягким, как будто в нём не осталось костей, и всё её тело погрузилось в мягкую кушетку. Она выглядела такой же гибкой, как мечтательные водные пути Цзяннаня. Уголки губ Гуй Фэй Чэнь были слегка приподняты, и, хотя её голос был приятным, в её тоне чувствовалась ясная холодность.

– Ты хочешь сказать, что, увидев Цзян Жуань и Лю Миня вместе в Императорском саду, Сяо Шао всё ещё помог ей выбраться из затруднительного положения? – спросила Гуй Фэй Чэнь.

Дворцовая служанка опустила голову:

– Отвечаю Гуй Фэй, да, это было именно так.

Со звуком "па" белая нефритовая чаша, наполненная хорошим вином, была с силой брошена на пол, в результате чего она разбилась вдребезги. Прекрасный нефрит разлетелся на множество кусочков и излучал сияние, которое всё ещё было таким же прекрасным, каким уродливым было выражение лица Гуй Фэй Чэнь в данный момент.

Если бы было сказано, что участие Цзян Жуань и Лю Миня только удивило Гуй Фэй Чэнь, то, услышав, что Сяо Шао помог Цзян Жуань, Гуй Фэй Чэнь почувствовала, как что-то сжимает её сердце, заставляя женщину чувствовать ярость и ненависть.

Если бы во дворце было сказано, что ничто не могло заставить Гуй Фэй Чэнь обратить на это внимание, кроме восьмого принца Сюань Ли, то Сяо Шао был бы исключением. Когда Гуй Фэй Чэнь только вошла во дворец, Император в то время уже обнимал три тысячи красивых женщин. Она была нежной и очаровательной, и говорила скромно и деликатно, как нежный цветок. Следовательно, она могла планировать, как добраться до своего нынешнего положения. Однако, по правде говоря, каждый раз, когда она приближалась к Императору, она чувствовала оттенок отвращения.

Сяо Шао был другим; он был как идеальная мечта в сердце каждой женщины, чистый, отчуждённый, элегантный и благородный. Несмотря на то, что Сяо Шао был близок по возрасту к Сюань Ли, Гуй Фэй Чэнь не удерживалась от этих тайных и грязных мыслей о нём. Она не знала, когда это началось, но только помнила, что тогда, когда она была ещё юной леди, в юности Сяо Шао уже был сдержан. И теперь её грациозная осанка больше не была похожа на прежнюю, в то время как Сяо Шао вырос и стал красивым и очаровательным

мужчиной, который постоянно трогал сердца людей.

Если бы это было возможно, она всегда думала, что достаточно просто мельком увидеть этого юношу рядом. Сяо Шао всегда был человеком с отстранённым и равнодушным темпераментом и никогда не был связан ни с одной женщиной. Тем не менее теперь, когда она обнаружила, что Сяо Шао неожиданно оказался рядом с Цзян Жуань, это было похоже на раскат грома среди ясного неба – настолько внезапный, что Гуй Фэй Чэнь было трудно вынести свою ревность и обиду.

Это было так, как будто мечты её юности были на грани краха. Раньше она только чувствовала, что Цзян Жуань была равным соперником, которого можно было спровоцировать, но теперь, с этого момента, Гуй Фэй Чэнь поклялась с твёрдой решимостью: этот человек, Цзян Жуань, если она не устранит эту девушку, она не сможет жить в гармонии с собой!

В этот момент это нежное лицо сильно исказилось в выражении, которое не могло не вселить страх в сердца.

http://tl.rulate.ru/book/11876/1860920